

В.Я. Шишков

Емельян Пугачев Книга 1

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-311.6
ББК 84-4
Ш65

Ш65 **Шишков В.Я.**
Емельян Пугачев Книга 1 / В.Я. Шишков – М.: Книга по Требованию, 2024. – 457 с.

ISBN 978-5-458-03363-3

Жизнь, полную побед и поражений, хмельной вольной любви и отчаянной удали прожил Емельян Пугачев, прежде чем топор палача взлетел над его головой. Россия XVIII века... Необузданные нравы, дикие страсти, казачья и мужичья вольница, рвущаяся из степей, охваченных мятежом, к Москве и Питеру. Заговоры, хитросплетения интриг при дворе «матушки-государыни» Екатерины II, столь же сластолюбивой, сколь и жестокой. А рядом с ней прославленные государственные мужи... Все это воскрешает знаменитая эпопея Вячеслава Шишкова — мощное, многокрасочное повествование об одной из самых драматических эпох русской истории.

ISBN 978-5-458-03363-3

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2024
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2024
© В.Я. Шишков, 2024

Вячеслав Яковлевич Шишков
Емельян Пугачев

Книга 1.

Часть 1.

Глава 1.

Казак Пугачев. Сражение при Гросс-Эггерсдорфе

1

Казак Емельян Пугачев родился в Зимовейской станице Войска Донского.

Родители его жили в бедности, занимались хлебопашеством.

Емельян — парнишка озорной, любил драки, преотлично воровал на бахчах арбузы, лихо ездил без седла, умел попеть и поплясать. Отец его, Иван Пугач, да и старики-станичники говорили ему:

— Ну, Омелька, казак из тебя добрый будет... Расти, брат! Турку бить пойдешь...

— Я в Запорожье утеку, в Сечу, — отвечал парнишка, поблескивая темными, большими, чуть раскосыми глазами.

До их станицы иным часом долетали кой-какие вести об удивительных воинственных людях, живущих по Днепру, — на островах Хортице и Тамаковском да по речке Подпильной.

Как-то в летнюю пору Емельян со сверстниками забрался на островок, что против их родной станицы.

— Запорожцы! — кричал он детворе. — Тут Запорожская Сеча будет у нас.

Вали все добро в кучу. Оно общее. А я кошевой атаман — Омелька Грозный...

Ежели кто украдет — того на раду, на суд, камень к ногам да в воду... Во как у нас!

Ребята складывали в кучу сухари, лепешки, яйца, Васька-сосед баклагу пива притащил, Ерошка — одноглазого живого петуха (привязали за ногу к тачке). У всех луки, стрелы, копья, деревянные сабли.

Гостила о ту пору в Зимовейской, у своей тетки, ледашенькая девчонка из соседней станицы Есауловской. Мальчишки и ее уманили с собой, хотя Омелька знал, что в настоящую Сечу бабам впуску нет.

Соньке он сделал снисхождение.

По приказу атамана она остригла ему овечьими ножницами голову, оставив только на темени клочок волос — чуприну.

— Оселедец зовется, — пояснил Омелька Грозный. Он наклеил себе из конского хвоста запорожские усищи, взял в руку палку с воткнутым на конце зеленым яблоком. — Это по-казацки буздыхан зовется, булава. Кто меня не станет слушать, чалпан долой с плеч.

Одноглазый петух то и дело распевал ку-ка-ре-ку, а к вечеру, когда запорожцы проголодались, певуну оттяпали голову, ощипали его. Костер горел ярко, от котла с петухом вкусный пар валит. Запорожцы наелись, стали пить пиво. Хотя пива было маловато, но все по казацким обычаям притворились пьяными, ходили по острову в обнимку, пели песни. Васька дернул Соньку за косичку. Сонька закричала, смазала Ваську ложкой по щеке, тот заплакал и дважды ударил дев-

чонку кулаком в нос. Девчонка замотала головой и тоже заплакала.

Из кустов выскочил атаман Грозный.

— Эге-ге... Соньку забижать? Ладно... — Он созвал всех на раду, в круг, взял булаву с объединенным кем-то яблоком.

Васька присужден был к розгам. Спустили с него штаны и дали дерку.

— Плакать не моги, а то камень к ногам да в воду...

Сонька торжествовала. С умилением она посматривала на длинноусого запорожца, защитника своего, атамана Грозного.

— Сеча, спать! — приказал Емельян. — А чуть тревога, все вскакивать.

Сей ночи будем брать в полон Царьград с турецким султаном. А встретятся молоденькие туркини — тоже хватай в нашу Сечу. На хорошеньких поженимся...

Сонька сразу сникла и надулась. Исподлобья посматривая на Емельку, она сказала:

— Дурак стриженный. Баран! Вот уж-ужо матке скажу, она те вздует... И про петуха скажу.

— Геть, замолчь! — прикрикнул атаман, закурил батькину с тютюном люльку, заплевался, закашлялся. — Ну, старики-станишники, — обратился он к детворе, — теперь по своим куреням и спать.

Ночью раздалась тревога. Сонька со всех сил колотила палкой в котел.

Емельян свистал и гикал:

— Гей, Сеча!.. Все на конь... В поход, куренные атаманы-молодцы!

Постоим за веру православную! Айда Царьград воевать.

Через час они уже были на бахче. Им удалось связать пасечника, древнего дедку Наума. Он был сильно пьян, тарасил глаза на свору ребятишек, мычал, плевался. Омелька Грозный командовал:

— Хорошень вяжи султана!.. Стой за правую веру! Срезай кавуны, которые подреней.

А утром всю «запорожскую сечу» больно пересекли вицами родители.

Омельке Грозному досталась особо жаркая пареха: и за несусветное озорство, и за стриженую, как у худой овцы, башку. Попало и Соньке от тетки ее.

Через десять лет девчонка выросла. Возмужал и Емельян. Их поженили. С той поры Сонька стала Софьей Дмитриевной Пугачевой.

Но прошла веселая неделя, и сердце Софьи из жарких ночей упало прямо в ледяную стужу: Емельяна угнали в Пруссию, отдав под начало полковника Ильи Денисова, походного атамана донских полков.

2

Русское воинство под водительством главнокомандующего, старого графа Апраксина, покинув Польшу, с весны 1757 года, отряд за отрядом, стало вступать в пределы Пруссии. Телеги, арбы, таратайки растянулись на многие версты (во всей армии было до тридцати тысяч подвод).

Проехав Польшу с грязнейшими дорогами и бедным населением, Емельян Пугачев приметил, что пошли места, совсем отменные от польских. Теперь попадались чистые, хорошо построенные селения, мощенные камнем, обсаженные деревьями добрые дороги, прочные мосты. Всюду исправный порядок, довольство. Жители не бежали от русских, а сидели в своих домах; женщины выносили солдатам свежую воду, квас, а иногда и хлеб да парочку яичек.

Словом, русское войско двигалось как будто по дружеской стране. Пугачева это удивляло.

Он не понимал, как не понимало и большинство солдат, из-за чего идет война. Правда, в праздничные дни, когда служили в походных церквах обедни, полковые священники в проповедях призывали проливать кровь свою и вражью во имя божие, обещая царство небесное за доблестную смерть на поле брани.

А за что проливать кровь — об этом проповедники помалкивали. Начальство тоже пыталось иногда объяснить, раздавало манифесты, царицыны разные указы, но толку было мало. Пугачев спрашивал хорунжих, есаулов, те в один голос отвечали: «По указу ее императорского величества государыни Елизаветы».

Семилетняя война имеет свою, довольно сложную историю. Она была продолжением войны за так называемое «Австрийское наследство». Король прусский Фридрих II, одаренный стратег, был политиком ловким, лишенным совести и благопристойности. Он, не стеснясь, говорил:

— Если вам нравится чужая провинция и вы имеете достаточно силы, — занимайте ее немедленно. Как только вы это сделаете, вы всегда найдете достаточное количество юристов, которые докажут, что вы имели все права на занятую территорию.

Руководствуясь этим правилом, он возмечтал захватить часть земель своей союзницы Австрии, где была королевой Мария-Терезия.

Незадолго до войны Фридрих был союзником Франции и врагом Англии, находившейся в жестокой колониальной войне с Францией. В то же время Россия состояла в давнишнем дружественном союзе с Австрией и в деловом договорном соглашении с Англией. Но воинственный Фридрих разом разрушил политическое равновесие Европы, существовавшее десятки лет. И вышло так, что путем интриг и темных комбинаций союзница России Англия, к немалому возмущению русского двора, перешла на сторону своего старого врага Пруссии, а Франция, уstraшенная ростом прусского военного могущества и оскорбленная вероломством своего бывшего союзника Фридриха, переметнувшегося на сторону Англии, объявила себя защитницей Австрии.

Россия, опасаясь захватнической политики Фридриха II, высказала свое непреклонное намерение оставаться верной своей союзнице — Австрии.

Таким образом, нарушив свои прежние взаимоотношения, европейские державы разбились на два враждующих лагеря: против Пруссии и Англии оказались три великие державы — Россия, Франция, Австрия. А вскоре к ним примкнула еще и Швеция.

Фридрих II никак не ожидал, что Россия ввяжется в эту войну. Правда, он был невысокого мнения о русской армии. «Москвитяне суть дикие орды, — говорил король, — они никак не могут сопротивляться моим благоустроенным войскам».

Тем не менее, видя перед собой столь грозную коалицию, он несколько опешил.

Он имел под ружьем двести тысяч войска, против него шло триста.

Однако надежда была на то, что, пока русский медведь соберется с силами и выползет из своей берлоги, он, Фридрих, успеет по отдельности разгромить своих врагов. Чтоб ослабить русских, он мечтал поднять против них турок и устроить в Петербурге дворцовый переворот. Но Турция, не подготовленная к войне, наотрез отказалась ссориться с Россией. В перспективе оставался Петер-

бург.

Фридрих знал, что русская императрица Елизавета к нему издавна питает отвращение, зато был почти уверен, что великий князь, голштинiec Петр, считавший себя вечным подмастерьем Фридриха, окажет ему помощь. С женой Петра — Екатериной, немкой по природе, пожалуй, тоже можно варить пиво.

Если в ней расщекотать тщеславие, если обольстить ее призраком короны, она может оказаться в числе его клеветов. Да, да, он опутает Россию сетью всяческих интриг и затем на поле брани поставит эту державу на колени!

Итак, подкуп, интриги, шпионаж — вот верные союзники Фридриха II.

В это время при русском дворе состоял в качестве английского посланника молодой, образованный, энергичный и ловкий сэр Уильямс. Он сразу же стал агентом Фридриха и, тонко маскируясь, начал действовать во вред российским интересам.

3

Уже стоял конец июня, но погода все еще холодная, трава чуть-чуть пробивалась, свежего корма лошадям не было, покупали овес и сено. Поэтому кавалерийские отряды часто посылались за фуражом по окрестным селениям и поместьям, платили за фураж наличными, все шло как не надо лучше.

Но вскорости случилась пренеприятная оказия. Был выслан на разведки отряд в полтысячи сабель драгунского полка, чугуевских и донских казаков.

Отрядом командовал легкомысленный французик Де-ла-Рю. Проехав два десятка миль и не видя неприятеля, майор заключил, что неприятель сидит еще очень далеко, где-то у черта на куличках. В деревне Кумелен он вольготно расположился с отрядом на бивак, стал гулять и пить, а глядя на него, стал бражничать и весь его отряд. Вдруг — тревога: «Неприятель, неприятель!»

Бражники носились по деревне, ловили коней, кричали. Пьяный майор, качиваясь в седле, мчался вдоль улицы, махал саблей, орал пронзительно:

«За деревню! Стройся... Сабли вон!..»

И не успели еще драгуны как следует построиться, как увидели мчащихся на них желтых и черных прусских гусаров. Казаки с флангов ударили на неприятеля, стараясь превеликим гиканьем и криком утратить врага.

Но прусские гусары не робкого десятка — они дали по казакам два хороших из пистолетов залпа, казаки повернули коней и врассыпную — наутек, гусары устремились прямо на русских драгунов. Те опрометью, без выстрела, поскакали по полям. Неприятель, «сидя на плечах» драгунов, гнал их через две деревни, пока с русской стороны не подоспел сикурс. наших убито было шестьдесят человек, двадцать шесть захвачено в плен, у неприятеля оказалась сраженною одна лошадь.

Восемнадцатилетний Емельян Пугачев получил в этой стычке первую боевую закалку. Красный, чубастый, весь как кипятик, он кричал на своих:

«Так-то вы, дьяволы, воюете?!» Свои посылали его к черту, трясли бородами, обзывали «щенячьей лапой».

Постыдное бегство наших произвело на армию угнетающее впечатление: стало быть, враг силен, а мы слабы. Фельдмаршал, рассвирепев, разжаловал майора Де-ла-Рю в солдаты, а вахмистра его команды Дрябова, отличившегося храбростью, произвел в поручики.

Вскоре через понтонные мосты были переброшены из-за реки Прегель и остальные части армии вместе с главной квартирой фельдмаршала Апраксина.

Пучеглазый, внушительного телосложения, тучный и обрюзгший, фельдмаршал ехал в богатом с графскими гербами экипаже вместе с двумя собачонками — кудлатой и облезшей, за ним на двадцати пяти трехконных рыдваных следовало его личное имущество и штат прислуги — повара, лакеи, камердинеры, два куафера, негр, священник и портной, везли походную церковь, несколько палаток, кухню, погреб вин. Было похоже, что это передвигается не главный полководец, которому вверено стотысячное воинство, а знатный вельможа совершает от безделья пышное путешествие по европейским странам. Глядя на эту обременительную для армии канитель, солдаты горестно шептались у костров.

На последнем апраксинском возу, набитом ящиками с бакалеей и всяческими сладостями, сидел юркий, плутоватый человек, лакей не лакей, а доверенный Апраксина — некий Барышников, держал золотую клетку с попугаем.

Пугачев тут как тут, трясется на лошаденке рядом с возом и все посматривает на невиданную птицу, все посматривает. Птица серая, нос крючком, на голове красный хохолок, а на клетке золоченая княжеская корона. А попугай молчал-молчал, да и прогнусил казаку по-человечьи:

— Здравья желаю, ваше величество!

Пугачев, вытаращив глаза, скакнул с лошаденкой в сторону, схватился за шапку.

— Вот это птаха, — сказал он, оправившись, и вновь подъехал к возу. — Дядька, а как твоя птаха зовется?

— Попугай.

— А пошто ж ее пугать?

— Бестолочь! Название у ей такое — попугай. А ты кто и по какой причине здесь околачиваешься?

— Нам приказано господину фельдмаршалу палатку ставить...

В это время попугай отчетливо залопотал:

— Пушка, пушка... Баталия.

У Пугачева зашевелились на затылке волосы, он мысленно перекрестился и подумал: «Ну и чертова птичка... Не иначе — оборотень».

Хмурым взором он окинул растянувшийся на версту фельдмаршальский обоз, взглянул на пару жирных окороков, висевших на перекладине последнего воза, ему страшно захотелось есть, а брюхо его с непривычки болело от неизвестной в России картошки... Он запальчиво крикнул Барышникову:

— А вы, должно, с графом на свадьбу к Фридриху собрались. Гляди, он вас женит! — и, стегнув лошаденку, помчался с дороги в лес.

На днях был занят без боя чистенький городок Гумбинен и несколько селений. В конце июля произошла вторая стычка казаков с отрядом неприятеля. На этот раз казаки опрокинули пруссаков и загнали их в болото.

Пугачев впервые окровавил тут свою саблю, был этим счастлив, чувствовал себя как под хмельком. Да и вся армия приободрилась: стало быть, пруссаки тоже умеют казать спины.

Время проходило в мелких стычках. Войска двигались в боевом порядке, всяк

находился в своей части, и Пугачеву нельзя было слоняться где попало.

В середине августа войска снова переправились через реку Прегель, вышли на Гросс-Эггерсдорфское поле. Вся русская армия расположилась на прекрасном, хорошо укрепленном природою месте. Так, по крайней мере, казалось военачальникам.

Место это представляло собой возвышенную равнину, версты две длиной, около версты шириной. Сзади — с обрывистыми и крутыми берегами река, ограждающая тыл армии, впереди — неширокая, в полторы версты, полоса непролазного леса, подошедшего справа к самой реке, а с четвертой стороны, слева — огромный и глубокий буерак. Из этого места было лишь два выхода: справа — небольшая прогалина между лесом и рекой, слева — проход в четверть версты между лесом и буераком. Стотысячная армия расположилась тылом к реке, фронтом к лесу, а за полосой леса простиралось обширное Гросс-Эггерсдорфское поле.

О неприятеле ни слуху ни духу. Как будто его и нет. Разбив палатки, армия проводила время в праздности.

Но Пугачев не дремал, для него безделье хуже смерти. Он еще в Польше познакомился со старым бомбардиром Павлом Носовым. Пожилой, но крепкий еще вояка полюбил веселого и дотошного казака, который о всем любопытствовал: как устроена пушка, как ее наводят, как из нее палят. Да не только о всем этом любопытствовал, а и выказал тут же на глазах бомбардира большую в обращении с орудием сметливость.

Вот и теперь — вдвоем сидели они возле потухшего костра. Емеля подтачивал прорезь в пушечном запале, пел донские песни, старик чинил штаны. Только что выстиранные подштанники бомбардира сушились на шесте, голые ноги его волосаты, тощи, в левой икре выхвачен осколком гранаты кусок мускула, давнишняя рана затянута синеватой кожей.

— Конечно, место хорошее, оборониться можно, — сказал Носов, — только командиры наши не вовсе хороши... Надо бы чрез лес дороги ладить к полю, а мы вот с тобой, Омелька, песни поем.

— Да, — ответил Емельян. — Ежели поднапрут на нас со всех сторон, нам и податься некуда...

— Напереть — не напрут, — возразил старик, раскуривая трубку, — а выходы отсюда тесноваты, с обозом каша будет.

Пугачев подумал, большеглазо посмотрел в сторону реки, сказал:

— И на кой прах все обозы сюда поставили? Я бы их оставил за рекой, а через реку мосты навел бы, лесу-то много здесь.

Под пегими усами старика растеклась приятная улыбка, он прищурился на парня, тряхнул головой, ласково сказал:

— Башка у тебя варит... Дело говоришь. Тебе бы, Омелька, ахвицером быть... Только вот темный ты, навроде меня: читать-писать не смыслишь.

— К грамоте у меня сердце не больно лежит, дядя Павел. Я воевать люблю. Пошто мне грамота? Вот, сказывают, солдата Дрябова и без грамоты в офицеры произвели. Чуешь?

— Дрябов не солдат, а вахмистр был.

— Все едино, что хлеб, что мякина. Не барин же! Вот и я добыюсь. Душа из меня вон, добыюсь!..

— Бахвал ты, — так же ласково забрюзжал старик, вдевая в иглу провощенную нитку. — У тебя, чтоб быть ахвицером, кишка тонка. Это дело господское... А мы с тобой, Омелька, в подлом сословии родились. Голытьба мы.

Емельян перестал мурлыкать песню, отложил в сторону напильник.

— Это какое такое подлое сословие? — спросил он сквозь зубы и покосился на изрытое морщинами лицо бомбардира.

Тот стал, кряхтя, надевать штаны.

— Мы подлого званья с тобой, Омелька. Голытьба! И вся солдатня наша подлого званья... Не люди мы.

— А кто же?! — вскричал Пугачев и ударил себя в грудь.

Прогудел вдали пушечный выстрел, за ним другой — поближе. Никто не обратил на них внимания. Но вот ударили еще три выстрела.

В армии поднялась тревога. По плацдарму уже носились на лошадях адъютанты с ординарцами, кричали:

— Выходи в строй!.. Выводи полки перед фронт... Ше-ве-ли-и-ись...

Люди бросали все, чем занимались, выскакивали из палаток, седлали лошадей, хватали ружья, надевали амуницию, бежали каждый к месту своего полка, строились в ряды. Повсюду негромкий шум, звяк оружия, беготня, понуждение от начальства. Очень быстро боевые полки были на своих местах, ожидая повеления, куда идти. И уже всем мерещился за лесом неприятель.

Большинство солдат еще ни разу не бывало в деле. Всех прохватывал внутренний холодок, в острых образах рисовалась первая встреча с врагом, кровавый бой.

Заиграла музыка, развернулись знамена, полки с великой поспешностью были выведены за лес, на просторное Эггерсдорфское поле. А там — что за притча? — неприятеля нет и в помине, поле чисто, вдали лес чернел, и хоть бы один человек попался на глаза. Пусто.

Простояли до вечера, сожгли деревню и церемониальным маршем возвратились в лагерь. О неприятеле опять забыли думать. Офицеры играли в карты, пили вино, шутили; генерал-майор Хомяков в двадцатый раз перебирал коллекцию тростей; фельдмаршал Апраксин за обедом объелся жареным поросенком с кашей, ему дважды ставили клизму; казаки пели и плясали; солдаты стирали в реке, искали друг у друга в головах, собирали грибы в лесу.

Ночь прошла благополучно. Поутру били не генеральный марш, а зорю, значит, и сей день армия будет в спокойствии стоять на месте.

Однако после полудня, когда армия обедала, стукнул выстрел вестовой пушки. В это время бомбардир Носов снял с тагана котелок похлебки из баранины, а Пугачев вытащил из-за голенища деревянную ложку.

— Ого, — сказал старик, — тревога! Пожалуй, и пожрать не дадут.

— Наматывай!..

Оба, обжигаясь, принялись хлебать. Ударил второй выстрел. В армии началось легкое движение. Пугачев поймал кусок баранины и по-волчьи проворно рвал его зубами.

Ударил третий выстрел. Тогда поднялись по всему лагерю великое смятение и шум. У бомбардира с Пугачевым упали из рук ложки. Всюду беготня, крик и понуждение. Земля тряслась от тяжести и грохота пушек, вывозимых откормленными лошадьми на позицию. Воздух дрожал от гиканья погонщиков и фурлейтов,

стегающих лошадей кнутами.

Через час полки были выведены в поле и построены. Пред войсками уже разъезжал великолепный фельдмаршал Апраксин, окруженный великолепнейшей свитой. Конь под огромным фельдмаршалом скакал, плясал, бил ногами.

Фельдмаршал кричал, но лицо у него грозное, он часто сплевывал гнилую отрыжку, утирался надушенным платком.

В свите гарцевал на рослом коне генерал-майор Петр Панин, живой и подвижной, глаза насмешливы, губы сжаты в ядовитой улыбке, — он косится на толстое брюхо фельдмаршала.

Сытые кони начищены, лоснятся, отливают на солнце атласом. И все блестит и все сверкает: оружие, наборная сбруя, чеканные седла, расшитые шелком и золотом дорогие попоны.

Армия стояла обращенная лицом к врагу. Но врага и на этот раз не было в помине. С чувством напряженного ожидания армия стоит час и два.

— Черт знает, — нахлобучивая шляпу на глаза, чтоб не палило солнце, раздраженно бросает фельдмаршал свите. — Где же неприятель? Какого же рожна он не идет?.. Трусит?

— Нет, граф, неприятель храбр и скоропоспешен, — отозвался известный дерзкий остряк Петр Иванович Панин, в глазах его полускрытый смех. — Неприятель или заканчивает обед и пьет шампанское, или обходит нас с тыла.

— Вы думаете? — граф Апраксин подымает густые брови и, болезненно постанывая, косится вполюоборот через плечо назад, где тыл. — Не может тому стать, чтоб с тылу...

— А кроме сего, мне мыслится, — продолжал Панин, отмахиваясь красным платком от комаров, — мне мыслится, что никогда так не бывает, чтоб одна армия стояла наготове, при всем параде, с пушками, а другая, вражеская, таким же парадом шла навстречу. Баталии зачастую начинаются внезапно. Но ради чего мы сюда пришли и здесь стоим, как индюки? Осмелюсь, граф, узнать...

— Утром разведка донесла, — пожимая плечами, стал как бы оправдываться граф Апраксин, — будто граф Дона, самый лучший прусский генерал, стоит за лесом с сорока эскадронами гусаров да драгунов, а главные силы пруссаков подходят к лесу.

Вдали то здесь, то там потрескивала ружейная перестрелка казачьей разведки с неприятелем. С пригорка было пущено в лес несколько бомб из шуваловских дальнобойных гаубиц. Стоявшая под лесом деревня загорелась.

Ответа из-за леса не последовало. Полки снова были отведены в лагерь.

5

Главная ставка Апраксина — целый поселок: большие и маленькие палатки для адъютантов и прислуги, походная церковь, склады, кухня, канцелярия, парикмахерская, баня.

В круглой палатке фельдмаршала начался военный совет. Большой овальный стол накрыт красною скатертью с золотыми кистями (граф любил во всем пышность), горело в шандалах и канделябрах сорок восемь свечей, за столом сам Апраксин и генералитет в походной форме. По правую руку Апраксина — генерал Веймарн (он все время войны «водил» Апраксина, как бычка на веревочке), по левую — молодой, но очень талантливый генерал Вильбуа, который частень-